

ВСПОМНИТЬ ВСЕ

Иван Фомин

Политика Памяти в РФ как реальность и как необходимость

Германия напала на Польшу, Франция напала на Бельгию, а Россия напала на всех

Некоторое время немецкие захватчики были популярны в России, но их привычка убивать невинных жителей создала им проблемы с имиджем.

Из работ студентов американских колледжей

Знание на самом деле не что иное, как припоминание: то, что мы теперь припоминаем, мы должны были знать в прошлом. Мало остается таких душ, у которых достаточно сильна память. Они всякий раз, как увидят что-нибудь, подобное тому, что было ранее, бьются поражены и уже не владеют собой.

Платон. Федр

О чем речь?

Начать можно с простого вопроса — что же представляет собой такое явление, как Политика Памяти, в современной РФ? Само это словосочетание довольно часто звучит в различных СМИ и на общественно-политическом поле. Чаще звучит в патетически-возвышенном, эмоциональном ключе, без серьезного анализа собственно политической и институциональной составляющей этого явления. Между тем, как часто приходится слышать, Политика Памяти в современном мире — это вообще основа любой возможной серьезной и последовательной политики. И есть все основания полагать, что это действительно так. Отсюда вопрос — существует ли сегодня в РФ Политика Памяти?

Если верить Гуглу, и просто загрузить искомое словосочетание в «поисковик», то никакой Политики Памяти в РФ не существует. По этому

запросу выдается набор разнонаправленных ссылок, в которых порознь выделяется то Политика, то Память, то РФ как вещи, между собой никак не связанные. С другой стороны, на эмоциональном уровне, вроде бы мы не можем согласиться с такой категорической оценкой — а как же все эти парады, юбилеи, концерты и пр.? — Разве это не Политика Памяти? И если это не является Политикой Памяти, то что это? Есть ли различия между исторической или национальной памятью как неким состоянием, функцией и Политикой Памяти, как осознанно генерируемой и реализуемой идейной, информационной и политической стратегией? Сегодня крайне важно попытаться, наконец, разобраться с этим запутанным вопросом или, по меньшей мере, попытаться его рационально проблематизировать.

Это — Ревизия

Попробуем просто перечислить основные имеющиеся в наличии в РФ компоненты того, что можно было бы назвать национальной или исторической памятью в контексте Великой Отечественной Войны:

1. У нас еще довольно широко отмечаются юбилеи Победы.

2. Продолжается традиция проведения праздничных концертов, фестивалей, выставок.

3. По-прежнему тема исторической памяти звучит в литературе, в кинематографе, в музыке, в изобразительном искусстве.

4. Все еще достаточно много музеев, в том числе областного и городского уровня, в которых значительную часть экспозиции занимает военно-историческая и патриотическая тематика.

5. В стране еще довольно много собственно памятников военно-исторической тематики: скульптур, мемориалов, архитектурно-исторических заповедников.

6. В школьных и вузовских программах еще довольно значительное внимание уделяется военной, исторической и патриотической в целом тематике.

7. Книгоиздание также пока довольно широко воспроизводит историческую, военную, мемуарную литературу.

8. На политическом поле политики всех уровней активно включают тематику исторической памяти в свою риторику: на семантическом уровне при нужных поводах по-прежнему используются понятия Ветеран, Победа, Великая Отечественная война.

9. Начиная с 2000-х тема исторической памяти начала возвращаться в СМИ, снимаются многочисленные документальные и художественные фильмы, выходят статьи, появились новые тематические телеканалы, т.е. тема вернулась после забвения 90-х.

10. Существуют Фонды, Институты, программы которых заявляют в качестве одной из главных задач развитие и сохранение исторической памяти в РФ.

Конечно, этот небольшой список можно расширять, однако и при этом кратком перечислении заметны некоторые тенденции и закономерности:

Во-первых, при этом перечислении постоянно повторяются словосочетания «все еще есть», «все еще сохраняется» и т.д. То есть большинство действующих институтов или традиций национальной памяти носят инерционный характер. По многим пунктам это уже явно иссякающая энергия: музеи ветшают, памятники рассыпаются имена и даты забываются и пр.

Во-вторых, что вытекает непосредственно из первого пункта, по мере расходования первоначальной энергии этих импульсов национальной памяти нынешние ее манифестации носят все более декларативный, неадекватный характер.

Сюда же примешивается и вездесущий в современной РФ коррупционный мотивчик: на юбилеи тратятся огромные деньги, при откровенно унижительном положении немногих остающихся в живых ветеранов и при почти полном отсутствии институциональных, системных, современных форм работы по развитию Институтов Памяти и Политики Памяти.

В-третьих, обращает на себя внимание и то, что большинство наших российских действующих форматов и институтов памяти основываются на эмоциональных, образных, традиционных и где-то даже соматических практиках: песни, пляски, фильмы, воспоминания, истории семей, торжественные речи политиков. В нашей исторической памяти господствуют эмоционально-личностные, яркие и образные, но в целом до-рефлексивные и до-технологические традиции и ритуалы памяти.

Инерция Памяти и Политика Памяти

Отсюда и возникает ключевой вопрос — а насколько вообще перечисленные выше практики, традиции, обычаи мы можем считать именно проявлениями и элементами Политики Памяти? Вопрос, на наш взгляд, вполне закономерный, т.к. политика, в традиционном смысле, политика в обществе модерна — это вполне определенная рациональная, системная деятельность по достижению сознательно выработанных целей, политика — это именно определенный, специальный вид деятельности, а не любая активность на государственном и общественном поле.

Политика вообще и Политика Памяти в частности должна, на наш взгляд, обладать некими коренными характеристиками, которые и делают ее таковой, отличают ее от Традиции Памяти, Ощущения Памяти, Ритуалов Памяти или любой другой «мемориально-патриотической» деятельности.

Вот, на наш взгляд, несколько ключевых характеристик Политики вообще и Политики Памяти в частности: системность, рефлексивность, рациональность, целенаправленность, активный и экспансионистский характер предпринимаемых действий, направленность этих действий в перспективу, в будущее, создание и организация институтов национальной памяти в сложную многоуровневую

стратегию или систему. Кроме того, необходимо и наличие механизмов, современных и эффективных инструментов реализации данной Политики, использование современных эффективных языков. Без этих ключевых характеристик просто любая деятельность на поле исторической памяти не может, на наш взгляд, с полным основанием именоваться именно Политикой Памяти. Возможно, с одной стороны мы и сильны вышеописанным непосредственным телесным и эмоциональным ощущением причастности к Войне и Победе, но с другой стороны — в этом же и наша слабость, как потенциальная, так и вполне реальная.

Встает неизбежный вопрос — а что будет, когда эта инерционная энергия Памяти закончится? Ведь проблематично, наверное, только песнями и плясками противостоять массивной временной эрозии национальной памяти. И еще более проблематично, конечно, противостоять этими народно-художественными средствами сознательной и активной Политике Памяти наших политических и экономических оппонентов.

Так есть ли у сегодняшней России Политика Памяти, а также — те современные средства, современный инструментарий, который позволил бы нам активно воздействовать уже на сегодняшнюю и тем более на завтрашнюю ситуацию, преобразовывать ее и формировать в необходимом нам направлении?

Политика Памяти как реальность в современной РФ

Справедливости ради необходимо отметить, что, по сравнению с абсолютно в этом смысле катастрофическим временем 90-х, в сегодняшней России предпринимаются определенные попытки сформировать национальную Политику Памяти или, по крайней мере, нащупать пути ее реализации. Попробуем просто перечислить основные шаги или попытки в этом направлении, предпринимаемые в РФ 2000-х годов:

1. Конечно, наиболее заметным шагом является учреждение Указом № 549 от 15.05.2009 г. «Комиссии по

Дед автора Иван Петрович Фомин, прошел всю войну, награжден орденами и медалями, закончил войну в Праге

противодействию фальсификациям истории при Президенте РФ». Что, на наш взгляд, здесь примечательного:

1.1. Создание этой Комиссии немедленно вызвало целый шквал негативных отзывов, критики как у нас в стране, со стороны «прогрессивной общественности», так и со стороны зарубежных «историков». Это значит, что был сделан верный шаг, безусловно, в правильном направлении.

1.2. К сожалению, состав Комиссии не отвечает ее главной задаче — задаче инициирования и активного управления процессом формирования под патронатом государства институтов национальной Политики Памяти. В составе Комиссии абсолютное большинство составляют чиновники, у которых, по определению, нет ни времени, ни желания заниматься этой работой. Разумеется, чиновники для связи всей этой деятельности с государственной политикой в составе Комиссии должны быть, но активное ядро, конечно, должны составлять люди, для которых отстаивание интересов национальной Памяти России является смыслом жизни и основным занятием: ныне активно действующие историки, философы, социологи, публицисты, аналитики, общественные и политические деятели.

1.3. За прошедший год российская общественность так и не увидела, к сожалению, плодов или признаков внятной и эффективной работы этой Комиссии, имеется в виду, не только по отмечанию Дня Победы, но и по формированию системы эффективных институтов национальной Памяти в РФ.

2. Общественные, научные, интеллектуальные центры, фонды и объединения.

В РФ существует ряд Фондов и Институтов, в список целей которых входит и сохранение, и развитие институтов национальной памяти, как в РФ, так и за ее пределами. Здесь нет смысла заниматься перечислением данных организаций, т.к. пока есть одна общая для всех них проблема, ограничивающая в существенной степени их эффективность: почти все эти Институты и Фонды были созданы в 90-е годы. Поэтому всем им присущи и характерные черты этой эпохи: все эти организации создавались и функционировали в большинстве своем как PR-структуры, со всеми вытекающими последствиями: а) ориентированность на «распил бюджетов», б) склонность к дорогим и помпезным, но малоэффективным мероприятиям, в) проектный принцип работы — коротко, дорого, неэффективно, г) отсутствие перспективной политики и стратегического подхода, д) пренебрежение интеллектуальной компонентой, серьезной концептуальной проработкой проектов. К сожалению, все эти характеристики сохраняются у большинства данных структур и на сегодняшний день.

3. СМИ — тут наметился определенный прогресс в работе по развитию Политики Памяти: возник ряд новых СМИ, где эти темы периодически поднимаются, плюс ряд ранее существовавших СМИ стал регулярно посвящать свои страницы и эфиры данной тематике. Здесь можно упомянуть в качестве примеров и появление телеканала «Звезда», и выход многочисленных документальных исторических фильмов практически на всех центральных телеканалах, и разворачивание дискуссии по исторической Памяти в Рунете, например на сайтах www.russ.ru, www.apn.ru и др.

4. Есть в этой области и новое, доселе неведомое в России явление — это своеобразная коллективная попытка «организации институтов Памяти снизу», или своего рода «наступление интеллектуального гражданского общества» на эту запущенную проблему. Эти попытки, пока разрозненные и разнонаправленные, предпринимают различные российские интеллектуальные независимые объединения и сообщества: ассоциации, издательства, научно-исследовательские коллективы, редакции некоторых журналов и сайтов. Необходимо отметить еще раз, что эти попытки предпринимаются данными группировками по большей части самостоятельно, на свой страх и риск, без существенной поддержки и координации со стороны государства и расцениваются последним как ничтожные и не заслуживающие внимания.

Исходные предпосылки создания эффективной Политики Памяти в РФ — есть все, кроме воли

Что же можно сделать, чтобы организовать, наконец, в РФ современную конкурентоспособную Политику Памяти? Начинать по марксистской традиции нужно, конечно, с анализа предпосылок. Самое поразительное, что из предпосылок, необходимых для эффективного решения этой задачи, в РФ есть все. Кроме собственно воли или желания объединить эти предпосылки в системную эффективную Политику Памяти.

Так, у нас есть следующие ключевые исходные условия.

1. Огромная мощь и ресурсы российского государства, которых нет, например, в Польше или на Украине, и даже в Европе, хотя институты Памяти у них есть, и в прямом, и в переносном смысле.

2. Мощный исходный эмоциональный и традиционный фундамент исторической памяти, чувство личной сопричастности, мощная постсоветская инерция, развитая культурная и эстетическая традиция Памяти.

3. Наличие серьезных и все еще не растрченных полностью поли-

тических позиций в мире, доставшихся в наследство от СССР: в СНГ и в Восточной Европе, в Арабском Мирове, в Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке.

4. Огромные ресурсы корпораций, которые были «известно как» ими получены — от государственной общенародной собственности, — и которые сегодня также можно и нужно подключить к решению этих общенациональных задач.

5. Все еще значительный интеллектуальный и научный потенциал России в общественно-политических и гуманитарных науках.

6. Наличие, особенно начиная с 2000-х, «движения снизу» — общественных и интеллектуальных инициатив по созданию эффективной Политики Памяти.

Таким образом, у нас есть практически все необходимые предпосылки и условия для создания самой эффективной национальной Политики Памяти, нет только ее самой, по не вполне понятным причинам, возможно, просто в силу отсутствия ясно и четко поставленной задачи ее создания, либо же — просто отсутствия воли к этому. Перефразируя слова А.С. Пушкина, можно сказать «элита безмолвствует...»

Политика Памяти как технология и индустрия

Итак, мы выяснили, что у нас есть все возможности и предпосылки для создания эффективной Политики Памяти, но каковы же должны быть эти самые технологии или механизмы ее функционирования? Эти технологии хорошо известны и давно отработаны в тех же западных странах, прежде всего в США. Нам не нужно здесь ничего изобретать, нужно просто дополнить наши исходно мощные традиции Памяти современными институтами и инструментами Памяти. В симбиозе это может даже дать нам тот мультиплицирующий эффект, который позволит сделать нашу Политику Памяти даже более эффективной, чем у наших западных оппонентов.

Вот, на наш взгляд, некоторые основные механизмы или звенья возможной технологической цепочки.

1. Управление и координация со стороны государства: работа госорганов по организации, координации, финансированию разветвленной эшелонированной, многоуровневой системы институтов, структур, механизмов, технологий производства и обеспечения Политики Памяти, ведение этой работы на постоянном и системном, долгосрочном уровне, обеспечение внешней экспансии.

2. Фундаментальная общественная и гуманитарная Наука: исследования по истории, философии, социологии, политологии, филологии, подготовка квалифициро-

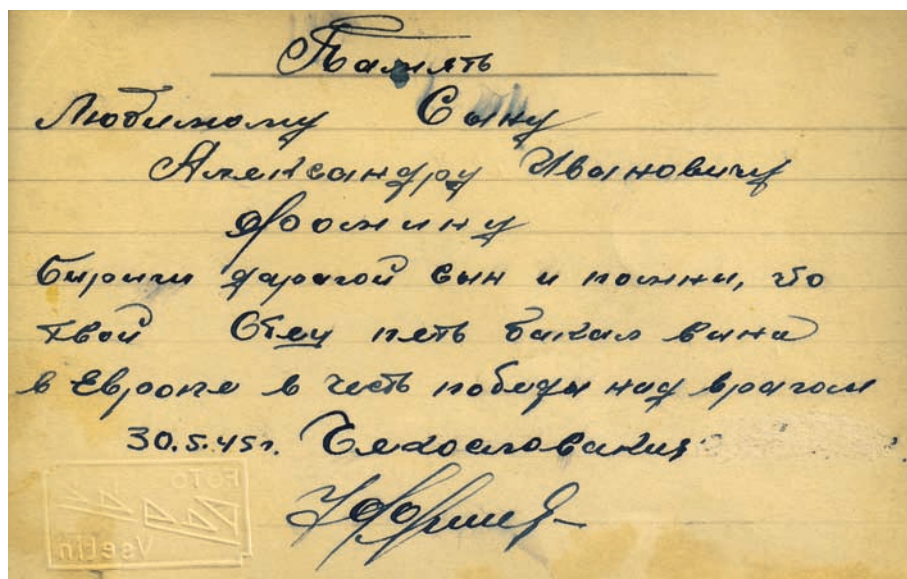
ванных кадров, академические обмены, исследования.

3. Система Прикладных Исследовательских, Аналитических и Консалтинговых Институтов — Think-tanks — как главных «приводных ремней», соединяющих науку и реальную политику и бизнес: фонды, институты, ассоциации, некоммерческие организации, общественные советы, постоянно действующие форумы, клубы.

4. Система коммуникационных механизмов и каналов, обеспечивающих связи между всеми частями системы Памяти, а также между этими Институтами и различными сег-

Тост за Победу: И.П. Фомин поднимает бокал за Победу со своим фронтовым товарищем, 30 мая 1945 г.

На обороте фотографии И.П. Фомин подписал фотографию своему сыну А.И. Фомину — отцу автора 30 мая 1945 г.

Отец автора Александр Иванович Фомин, во время службы в рядах Советской армии. г. Кингисепп, Ленинградская область, 1962 г.

ментами общества: СМИ, издательства, сайты, информационные и общественные проекты исторической, философской, культурологической тематики.

5. Система работы с широкой общественностью по основным сегментам: с молодежью, с пенсионерами, с бюджетниками, с предпринимателями и пр.

6. Система обратной связи и оценки эффективности: исследования, мониторинг, механизмы обратной связи и повышения эффективности работы и т.д.

Особую важность имеет многоуровневый и эшелонированный характер данной системы, как, например, это происходит в США и в курируемых ими странах Центральной и Восточной Европы. Действительно, ни один самый гениальный государственный муж не в состоянии из единого центра осуществлять управление столь сложной агломерацией различных структур и программ. Ни один институт или научная школа не в состоянии в одиночку успешно решать весь комплекс проблем. Поэтому данная сеть, или система, в развитых странах лишь координируется и направляется из единого центра, развиваясь в значительной степени автономно и самовоспроизводясь вне зависимости от конкретных кураторов, обстоятельств или сложностей текущего момента.

Также обращает на себя внимание и тот приоритет в данной работе, который отдают, например, те же американцы, прежде всего, Интеллектуальным Центрам и Институтам, действующим в области разработок как Внешней Политики в целом, так и конкретно разработок по Политике Памяти. Данные Институты, Фонды, Think-tanks являются фабриками идей, структурных схем, тактических и стратегических разработок, создающими как, с одной стороны, своеобразные тезаурусы идей, банки и архивы примеров и решений, так и, с другой стороны, — конкретные решения по конкретным проблемам. Разумеется, это вполне оправдано, т.к. работа интеллектуальных центров стоит очень дешево, по сравнению, например, с теми затратами, которые государство несет при столкновении с недружественной политикой в определенном регионе мира.

Если мы проанализируем жизненную и карьерную траекторию таких, например, «столпов» американской внешнеполитической стратегии за последние полвека, как Уолт Ростоу, Макджордж Банди, Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский, Мадлен Олбрайт, Кондолиза Райс, то мы увидим убедительную иллюстрацию работы этой Системы интеллектуального обеспечения реальной политики в США: университет — исследовательский институт или фонд при корпорации или при правительстве — Белый Дом — и обратно в той же последовательности... Вывод — там Система работает, «их профессура готова к бою», — а что у нас — «можем только бабочек ловить»?

Разумеется, ключевой характеристикой успешной Политики Памяти является, безусловно, ее технологичность или даже индустриальность. У нас интеллектуальная сфера еще слишком часто понимается как некая область мистического опыта, где возможно лишь наитием нащупать уникальную сверх-идею, национальную

идею и пр. В более развитых обществах интеллектуальная сфера в целом, и в частности, система производства национальной идентичности и национальной Памяти, организована как высокотехнологичная производственная система, со всеми присущими ей признаками, такими как многоуровневая система управления, специализация и разделение труда, наличие сложно организованной структуры производства, наличие отлаженных технологий и механизмов, а в финале — широкой продуктовой линейки, сопровождаемой технологиями продвижения этих продуктов на внутренние и внешние рынки.

Оптимистический финал: Война продолжается

Если возвращаться к еще одной заглавной теме нашего номера — к теме войны, применительно к затронутой в этом материале тематике Политики Памяти, то, безусловно, можно сказать, что война не закончена — война продолжается. И лучше всего этот процесс можно отследить как раз в сфере тех батальонов, которые развернулись в последние 25 лет вокруг нашей коллективной Исторической Памяти. Если продолжать использовать военную терминологию, то можно сказать, что мы за последние четверть века, как и в 1941 году, оказались поставлены на грань катастрофы: мы уступили обширные территории нашего исторического и национального Сознания, еще чуть-чуть, и российское общество наконец удостоверится, что является по определению коллективной преступной организацией, лучшим выходом для которой является самоликвидация в интересах всего «прогрессивного человечества». Уже всерьез обсуждается тема «равной ответственности» нацизма и коммунизма за «развязывание Второй мировой войны», а значит, следующий шаг — создание нового Нюрнбергского трибунала, теперь уже по нашим «преступлениям», следствием чего явится окончательная диффамация России и отрицание ее права на существование.

На наш взгляд, сегодня необходимо простое осознание того факта, что война против нас не закончена,

что было прекращено сопротивление с нашей стороны. Поэтому единственный позитивный выход из данной ситуации, позитивный, разумеется, для нас, а не для наших исторических оппонентов — снова осознать себя в состоянии войны, т.е. возобновить сопротивление. В этом смысле война, прежде всего война за смыслы, является в данной ситуации для России, безусловно, позитивным явлением и образом действий.

Возвращаясь к теме возможности и необходимости национальной Политики Памяти, необходимо подчеркнуть, что война за смыслы не должна и не может вестись лишь традиционными, эмоциональными и архаическими по своей сути средствами. Современная война, в том числе и война за национальную идентичность, — это, прежде всего борьба интеллектуальных концепций и решений, технологий, индустрий, систем, в том числе, и в первую очередь, в интеллектуальной, смысловой, идеологической сфе-

Эта технологичность, безусловно, является неотъемлемой характеристикой любой современной политики, что, например, уже хорошо себе усвоили наши реал-политики, организуя свои выборные и иные политические кампании как фабрики решений и механизмов их реализации. Остается только удивляться, почему эти требования технологичности политических процессов не считаются необходимыми и не применяются для решения, безусловно, намного более важных общегосударственных и национальных задач, например, таких как создание эффективной национальной Политики Памяти.

ре — в сфере национальной Политики Памяти. Нельзя оперировать только эмоциями, традициями, ощущениями

и интуициями, в современной ситуации жесткого столкновения интерпретаций истории, которую по степени интенсивности вполне можно называть войной, нельзя быть настолько благодушными, архаичными и аморфными, насколько это себе позволяет сегодняшняя Россия. Сегодня нам нужна не архаичная, аморфная, коррумпированная, невятная и бессистемная суeta вокруг госбюджетов, не банкеты и юбилеи, не оркестры и караваны, а современная интеллектуальная, высокотехнологичная, целенаправленная и экспансионистская национальная Политика Памяти.

а

Автор И.А. Фомин во время службы в рядах Советской армии, вместе с армейскими друзьями: автор в центре стоит, слева стоит — Роман Халамонов (Таганрог), справа стоит — Алексей Ситко (Железноводск), сидит по центру — Александр Ахметов (Алма-Ата), СССР, г. Волгоград, 1987 г